Никита Струве: эмиграция завершилась

Парижское издательство YMCA-Press можно охарактеризовать двумя понятиями, которые до сих пор остаются для нас ориентиром, — высокая культура и свобода слова. С главой издательства НИКИТОЙ СТРУВЕ беседует МАРИЯ ВАСИЛЬЕВА.

— Никита Алексеевич, нынешний ваш приезд в Россию во многом связан с выходом здесь знаменитой книги вашего дяди Глеба Петровича Струве «Русская литература в изгнании». Недавно за рубежом вышла и ваша книга о русском изгнании. Расскажите немного о ней.

— Я хотел воздать должное русской эмиграции, которой я очень многим обязан. Но книга написана на французском языке и предназначена для французского читателя. Не знаю, переведу ли я ее на русский, она требует не просто перевода, а перевода в другой ключ, хорошего редактирования. Она о романе русской эмиграции с Западом. Франция предоставила идеальные условия свободы слова. Я хотел уяснить, какую роль сыграла русская эмиграция как на Западе, так — в основном — и для России. Дмитрий Мережковский еще в 25-м году писал: «Мы не выселенцы, а переселенцы из бывшей России в будущую». Так что книга появилась в тот самый момент, когда возвращается в Россию наследие русского зарубежья.

— Вы только что встречались с Александром Исаевичем Солженицыным. Долгие годы вы были издателем его запретных произведений. Сегодняшний ваш визит связан с какими-то конкретными планами?

— Не только. У нас все-таки давнее сотрудничество, не смею сказать — дружба. А может быть, все-таки и дружба даже. Но в данном случае мне нужно было съездить и посмотреть некоторые страницы его будущей книги «Угодило зернышко промеж двух жерновов», где он описал события с моим участием. Книга уже заявлена в издательстве «Согласие».

— Одно время телевизионные передачи с участием Александра Солженицына здесь были традицией. Хотя нет, «традиция» — неверное слово. К сожалению, традицией они так и не стали.

— Его грубо оборвали. Но не думаю, что писатель должен выступать слишком часто на телевидении, это мое личное мнение. И потом я сам выступал с Александром Исаевичем на некоторых его передачах, и мне показалось, что они были недостаточно хорошо организованы, была найдена не та форма — монолог в экран. В телевизионных выступлениях на Западе его постоянно провоцировали вопросами, здесь же, на мой взгляд, он столкнулся помимо предвыборных «опасений» в свой адрес еще и с неверной режиссурой.

— Первая ваша книга вышла в России еще в 92-м году. Я говорю о «Православии и культуре», сборнике статей, передовиц в журнале «Вестник РХД». С 50-х годов — до 90-го года. Это же огромный отрезок времени, история движется, меняется прямо на глазах.

— Да, в этом и занимательность книги.

— «Россия воскресла» — название последней передовицы. Но это 90-й год, тогда все переживали некую эйфорию и в России, и на Западе. Шесть лет прошло. Все ли соответствует вашим мечтам, надеждам?

— Может быть, это неуместно, но я горжусь тем, что в своей статье «К 60-летию русской революции» с хронологической точностью предсказал время падения советской системы, предположил, что 70-летие будут уже не праздновать, а отмечать траурным поминанием «миллионов, убитых задешево...» Что мы хотели, что мы ожидали, в чем были уверены, так это в том, что система рухнет, она уже проявляла признаки немощи, была не так страшна, какой хотела казаться. Но я говорю о людях, живущих в отдалении от России. И я вижу признаки выздоровления, хотя понимаю, что для тех, кто здесь живет, все очень непросто. Мне ведь легко говорить, я не несу все тяготы здешней жизни. Но я вообще не ожидал, что переход может пройти безболезненно, будет плавным, органическим. Такие надежды уж очень в духе прошлой системы. Если бы ту систему можно было превратить в хорошую демократию, значит, она была не так уж плоха. И как раз во всех трудностях, издержках, трагических обстоятельствах я вижу лишь подтверждение, что рухнувший строй был ужасен. Свобода — это величайший дар, даже если им не всегда хорошо пользоваться. Так что я остаюсь на мажорной ноте.

Наталья, Александр Солженицины и Никита Струве

— В своей передовице вы с точностью предположили «изначальную точку отсчета». Но дальше — все ли соответствует вашей идее «православия и культуры»? Не проявил ли исторический сценарий своеобразного своеволия? Может быть, придет новое поколение вне православия и культуры, но со своей вполне четкой практичной идеей?

— Встать на нормальный экономический путь России сейчас просто необходимо. А потом я верю в какую-то неувядаемость русской православной души. Разочарования у меня нет, может быть, потому, что я ожидал худшего. Я знал, что настоящая демократия сразу здесь невозможна. Кто же встанет у руководства, власти? Люди прежней власти. Это естественно — других эта власть не сформировала. Да она вообще ничего не сформировала. Ты — то страной управляют обкомовцы. Стоит ли удивляться? В свое время Александр Исаевич говорил, что понадобится 250 лет на обновление. По большому счету, прошло всего шесть лет. Одна Москва дает повод для некоторой мажорной тональности, она преобразилась за это время. Я надеюсь, что и страна преобразится.

— Вы только что сказали: «Свобода — это величайший дар». В вашей книге об Осипе Мандельштаме приведены такие его абсолютно бескомпромиссные слова: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух». Сегодня писатели свободны, их литература уже не «ворованный воздух». Не залог ли это кризиса современной литературы? Или есть все-таки интересные имена?

— Пока нет. Но я не так хорошо слежу за современной литературой, чтобы говорить с абсолютной уверенностью. Думаю, сейчас время творческого вакуума. Нужно случившуюся «катастрофу» — катастрофу в положительном смысле — уяснить. Земля отдыхает. Ушел назад целый отрезок истории, это событие мирового значения, социализм как теория, как упование, идеал — кончен. Сейчас растерянность большая даже у тех, кто ждал свободу. Нужно «отстояние», чтобы все это переварить и потом воплотить в художественной литературе.

— Вы издавали альбомы «Сорок сороков» о русских церквях, был альбом о священниках, погибших в советские времена. Вообще исчезновению «белых пятен» в нашей истории мы во многом обязаны издательству YMCA-Press. Как относится Русская православная церковь к этой работе вашего издательства?

— На «Вестник РХД» у меня очень теплое благословение патриарха. Я с ним знаком, он меня принимает, когда может. В Париже мы не принадлежали к Патриаршей церкви и до сих пор к ней не принадлежим. Но я всегда относился к Патриаршей церкви глобально положительно, всегда понимал, что она находится в гонении, истреблении. Думаю, что в послереволюционный период ей очень повезло с возглавлением. Я даже себя считаю сергианцем в каком-то смысле, хотя не могу оправдать всего без исключения, что митрополит Сергий сказал или сделал... Но в каких условиях! Когда кровь лилась ручьями. Он спас все-таки церковь в 41-м году, в момент войны, когда все рушилось, все вокруг него были «пережжены на уголь», он принял интуитивно правильное решение — патриотическую позицию. Этим он церковь спас, перестоял — и спас. На Западе мы должны были критиковать здешнюю церковь, особенно в мирное время, за «лояльность» по отношению к строю. Но мне кажется, наша критика только ей помогала, потому что духовенство здесь могло сказать: «Смотрите, что о нас пишут, значит, мы уже достаточно лояльны. И не требуйте от нас большего».

— Когда в 22-м году по приказу ГПУ Россию покинули известные писатели, философы, богословы, то для нашей страны это была невосполнимая потеря. Ведь тогда религиозно-философская мысль переживала возрождение. Здесь, в России, такого не было, лишь только несколько имен — Флоренский, Лосев. Готовы ли наши читатели к возвращению на родину богословского наследия эмиграции? Соответствуем ли мы этому уровню?

— Их наследие возвращается, надо будет его освоить, впитать, на это понадобится еще время. Среди людей, покинувших Россию, были настоящие религиозные гении, во всяком случае, очень одаренные в религиозном смысле люди. Отца Сергия Булгакова я считаю, например, величайшим религиозным гением.

— Однако к его софиологии многие священнослужители и относились, и относятся настороженно. Еще Николаю Бердяеву приходилось отстаивать идеи Булгакова, вступать в полемику с ортодоксальной церковью. Полемика не исчезла до сих пор. Я не раз слышала от истово верующих негативные слова в адрес богословия Сергия Булгакова.

— У него есть очень много спорного в богословии, но ничего от ереси.»Ересемания» — это наша беда. Я считаю, что если хватит у меня сил и хватит одновременно какого-то морального основания, я буду с этим бороться. И время, и слово, думаю, все изменят. Многое уже сделано. Сергий Булгаков вернулся на родину, в городе Ливны бывшая Пролетарская площадь названа его именем. Там же выпустили его замечательный сборник. Но окончательно уяснить ценность творчества богословов русской эмиграции... Все это возможно только со временем. Конечно, если это будут решать так называемые ортодоксы, которые всюду видят врага, ересь, которые знают ответы на все вопросы и не способны вообще диалектически мыслить, то возвращение задержится. Но тем не менее оно произошло, и теперь никто не сможет обойти Шмемана, Федотова, Булгакова, разработанные ими темы, где они перепахали все поле догматики. Я, например, софиологию Булгакова не принимаю, но питаюсь от его творчества ежедневно. Ведь это не просто метод, это богомыслие. Богомыслие — вещь чрезвычайно трудная и чрезвычайно редкая. Богомыслие — это не прещение, не озлобление. Прещение — это полицейская форма. Когда провозглашается какая-нибудь «истина»: «Вот я имею истину!» Но и для этого нужен Собор, нужна дискуссия. Это все забыто. И это все последствия советской системы. Она так воспитала людей — низшие инстинкты, низшие этажи человека, принизила творчество во всех его проявлениях. Но Россия-то все равно выжила. Я сейчас очень много путешествую по России, возвращаю труды эмиграции в их совокупности. Уже в пятидесяти городах открылись филиалы фонда «Русское зарубежье» — шестьдесят библиотек. Без готовности самой России такое мощное движение назад, на родину, литературы русского зарубежья было бы невозможным. Очень радует возрождение иконописи в России. Отличная школа на Маросейке. Получилось так, что икона возродилась и в эмиграции, и здесь, в России. Вообще реставрационная школа и была, и остается в России на очень высоком уровне.

— Как вы относитесь к восстановлению храма Христа Спасителя?

— Я был сначала против этой идеи. Но теперь считаю ее символически правильной. Архитектура храма достаточно красива, и местоположение его просто замечательное.

— Издательство YMCA-Press пропустило через себя три волны русской эмиграции. Что бы вы могли сказать о нынешней, четвертой волне?

— Она иссякла. Четвертая эмиграция — понятие более размытое, нежели эмиграция предыдущих волн. Можно ехать туда и обратно, но при этом почти никто уже не получает возможности долго жить во Франции. Сегодня это люди, скорее «прибывающие» на Запад. Был какой-то зародыш четвертой эмиграции, когда экономически, психологически люди не верили в перестройку, искали на Западе счастье. Я ими вынужден был заниматься одно время и до сих пор продолжаю заниматься их устройством. Но это уже не эмиграция.

— Значит, эпоха русской эмиграции завершается?

— Завершена. Есть потомки эмиграции, есть свидетели событий, но и только. Наша русская часть души, или, точнее, наша русская душа оживает, продлевается в России. Здесь продолжение нашего дела.